

На правах рукописи

Дьёни Габор

**ПРОТОВЕНГРЫ НА УРАЛЕ
В ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ НАШЕЙ ЭРЫ
В РОССИЙСКОЙ И ВЕНГЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

**Специальность 07.00.09. – историография,
источниковедение и методы исторического исследования**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

**Екатеринбург
2007**

Работа выполнена на кафедре истории России ГОУ ВПО
«Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Научный руководитель: кандидат исторических наук,
профессор **Б. Б. Овчинникова**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор **В. И. Усанов**
ГОУ ВПО «Тюменский юридиче-
ский институт» МВД России

доктор филологических наук,
профессор, чл.-корр. РАН
А. К. Матвеев
ГОУ ВПО «Уральский государст-
венный университет им. А. М.
Горького»

Ведущая организация: Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН

Защита состоится 2 ноября 2007 года в ___ часов на заседании диссер-
тационного совета Д 212.286.04 при ГОУ ВПО «Уральский государст-
венный университет им. А. М. Горького» по адресу: 620083, г. Екате-
ринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ураль-
ского государственного университета им. А. М. Горького.

Автореферат разослан «___» октября 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

В. А. Кузьмин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Уже давно целый ряд ученых заинтересованы вопросом: когда и откуда появились венгры? Большинство исследователей связывали их происхождение с лесостепью Приуралья, другие – с Зауральем и Западной Сибирью, а еще некоторые – со степью. Если рассматривать Урал как некую прародину венгров, то, пожалуй, события, происходившие здесь, можно назвать началом в сложном и длительном процессе, в котором, по мнению ученых, происходил переход от «input» – протовенгерского народа (*mance) к «output» – венгерскому этносу (magyar/madzsar). Это время достаточно загадочное, когда между «input» («угорской эпохой» по языковым источникам) и «output» (IX в. – по письменным данным) практически отсутствуют источники, освещающие собственно раннюю историю венгров на Урале. Неслучайно часть исследователей настойчиво отмечает, что в ранневенгерской истории это длительное время, не что иное, как «black box»¹.

В течение 2,5-тысячелетнего существования венгерского этноса мадьяры (венгры) живут более 1100 лет на современной родине – в Карпатской котловине. Однако большую часть времени (приблизительно 1,3–1,5 тыс. лет) они проживали вне Карпатского бассейна, в основном на территории современной России. Проведенные исследования в области праистории венгров в Восточной Европе и на Урале, и появившиеся возможности привлечения новых источников, получивших освещение в последние годы, но оказавшихся недоступными как для российских, так и для венгерских ученых, требуют осмысления и введения их в научный оборот. Это обусловило актуальность темы настоящего исследования, которая определяется еще и тем, что, несмотря на неоднократное обращение предшественников к ней, она остается до сих пор весьма спорной как в российской, венгерской, так и в мировой историографии.

Понятно, что в изучении праистории мадьяр для венгерских специалистов необходимы результаты исследований, полученные не только соотечественниками, но и коллегами из других стран, особенно российских ученых, так как сегодня мало кто отрицает то, что процесс этногенеза венгров до IX в. н. э. проходил на территории России – на Урале.

Заметим, что венгерская историография в поставленном нами вопросе с самого начала своего существования, начиная со Средних веков, была ориентирована на Запад. Российско-венгерские научные связи

имели, скорее, персональный характер, в связи с чем литература российских ученых о праистории мадьяр представлена в работах венгерских специалистов недостаточно. Таким образом, актуальность настоящего исследования очевидна: оно представляет интерес, как для венгерских, так и для российских специалистов в области историографии и истории Восточной Европы и Урала.

Объектом исследования является совокупность российской и венгерской исторической, лингвистической, этнографической и археологической литературы, в которой раскрываются вопросы изучения истории протовенгров на Урале.

Предметом исследования является степень изученности в венгерской и российской историографии проблем, связанных с ранней историей венгров в первом тысячелетии н. э. (до IX в.) на Урале и в Западной Сибири.

Хронологические и географические рамки работы. Временной диапазон исследования охватывает I тысячелетие н. э. (I–IX вв.). Однако ранняя дата иногда несколько снижается – до конца первого тысячелетия до н. э., так как в работе уделяется внимание вопросам формирования протовенгерского (протомадьярского) этноса, которые, без сомнения, просматриваются в развитии и распаде угорской общности на Урале и в Западной Сибири.

По мнению ряда исследователей, ранняя история мадьяр проходила на большой территории: от Зауралья до Предкавказья. До сих пор место их пребывания вызывает споры ученых, так как до IX в. прямые сведения в письменных источниках о венграх отсутствуют. Поэтому в заглавии диссертации предложенный регион, обозначенный нами как «Урал», является интерпретацией. Это связано с тем, что в настоящей работе мы придерживаемся взгляда большинства российских ученых о том, что праистория мадьяр до IX в. происходила в лесостепной зоне – на обширных территориях от Приуралья до Зауралья и Западной Сибири.

Цель диссертации заключается в том, чтобы осветить ряд вопросов, связанных с венгерской праисторией, в том числе показать и сравнить интерпретации российских и венгерских специалистов. При этом хотелось бы осветить данный вопрос в эволюции научных взглядов на праисторию венгров, начиная со Средних веков до современности в российской и венгерской литературе. Цель реализуется постановкой следующих **задач**:

– Проанализировать средневековые письменные источники о древней истории мадьяр и их интерпретации в российской и венгерской литературе. При этом особо уделить внимание тем венгерским источни-

¹ Hajdú P. Preuráli nyelvi kapcsolatok // Magyar Őstörténeti Tanulmányok (далее MÓT). Вр., 1977. С. 157; Szűcs J. A magyar nemzeti tudat kialakulása. Szeged, 1992.

кам, которые ранее не были переведены на русский язык. В свою очередь, показать роль славянских источников, которые также не знакомы венгерской литературе.

– Осветить научные теории о праистории мадьяр, которые получили развитие в книжной литературе XVI–XVII вв. и особенно в период формирования и развития истории и лингвистики как науки, т. е. в XVIII–XIX вв.

– Выделить ряд проблем и раскрыть их значение в вопросе этногенеза венгров в научных взглядах российских и венгерских ученых XX – начала XXI в.

Методология исследования определяется комплексным многофакторным подходом, который позволил совместить достижения различных гуманитарных дисциплин. Исходя из междисциплинарного понимания историографии, предложенного М. Ю. Лачаевой, О. С. Поршневой, Л. П. Репиной и др., историография древней истории венгров на Урале рассматривается как единое целое, развитие которого проходит в форме диалога между венгерскими и российскими учеными². Таким образом, в настоящей диссертации осуществлен подход междисциплинарного синтеза таких наук, как история, этнография, лингвистика и археология. Заметим, что в археологии такой подход в свое время получил название «лингво-археологического» принципа исследования, который опирался на данные языкознания, при этом первоначально с целью атрибуции археологических культур, а затем, постепенно расширяя область применения, формулируя задачи реконструкции не только этногенетических связей, но и форм общественных отношений, действуя в «увязке языкознания с историей материальной культуры» (по определению Н. Я. Марра)³.

Автор данной работы, учитывая достижения постструктуралистской теории в изучении исторических источников, считает, что при анализе письменных источников следует обращаться к ним как к текстам, требующим применения в целях интерпретации комплекса современных, в том числе междисциплинарных методов исследования. В процессе источниковедческой разработки темы были привлечены к анализу не толь-

² Лачаева М. Ю. Предисловие // Историография истории России с древнейших времен до 1917 г. М., 2004. Ч. 1; Поршнева О. С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург, 2005; Репина Л. П. Междисциплинарные подходы к изучению прошлого. Междисциплинарность и история [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: www.auditorium.ru/books/2624/text/pdf

³ Лебедев Г. С. История отечественной археологии. СПб., 1992. С. 375.

ко материалы письменных источников, но данные лингвистики и археологии. Также в диссертации использованы сравнительно-исторический (компаративный) и историко-генетический методы. Сравнительно-исторический метод дает возможность рассмотрения сущности изучаемых явлений по сходству и различию присущих им свойств, а также сравнения взглядов ученых двух стран на обозначенную проблему. Историко-генетический метод позволил проследить причинно-следственные связи и закономерности развития этнокультурных образований в эпоху раннего средневековья на Урале в российской и венгерской историографии.

Источниковая база исследования представлена комплексом историографических и исторических источников. К *историографическим источникам* исследования относятся монографии, статьи, материалы конференций, авторефераты диссертаций, научно-популярные издания, опубликованные на русском, венгерском, латинском языках, освещающие различные аспекты проблемы протовенгров на Урале и в Восточной Европе. Учитывая две традиции в историографии данной проблемы, представляется логичным выделение следующих этапов, в рамках которых происходила эволюция, как в венгерской, так и в российской историографии.

В *венгерской историографии* выделяются следующие периоды: 1. Эпоха романтизма (середина – 80-е гг. XIX в.). Тогда были осуществлены первые экспедиции в поисках древней родины венгров в Россию, в том числе и на Урал (Я. Ернеи, А. Регули). Состоялось формирование теории финно-угорского родства, однако научные работы этого времени лишены критики источников, даже превалировали фантастические теории о происхождении венгров (И. Хорват – о ближневосточном происхождении венгров, И. Дьарфаш о родстве мадьяр с половцами). 2. Эпоха позитивизма (конец XIX – первое десятилетие XX в.). В этот период происходил процесс накопления и систематизации источниковой базы. Ощущалось влияние финской историографии (Д. Европеус, Э. Сетеле и др.). Продолжены научные экспедиции на Урал и в Западную Сибирь (Б. Мункачи 1885, 1888–1889 гг., экспедиции Е. Зичи 1895–1898 гг., в которых приняли участие археолог Б. Пошта и этнограф Я. Янко). 3. Критика позитивизма, «наука о духе» (Szellemtörténeti irányszat, Geisteswissenschaften), по следам «философии жизни» В. Дильтей⁴. В первые десятилетия XX в. Ему присущ более скептический подход ряда исследователей при рассмотрении источников (З. Гомбоц). Научные связи с

⁴ Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964. С. 212–214.

Советской Россией практически прекращаются (в России работал только Н. Феттих). 4. «Вульгарномарксистская» эпоха в изучении венгерской праистории (после 1945 г. – начало 1950-х гг.). Венгрия стала частью «социалистического лагеря». Появляется монография Э. Мольнара о древней истории венгров (1952 г.) и критика его взглядов в 1953 г. (Дь. Лако). 5. «Марксистская» эпоха (вторая половина 50-х гг. – вторая половина 80-х гг.). Этот период характерен наиболее интенсивным сотрудничеством российских и венгерских специалистов. Венгерские исследователи (И. Эрдели, И. Фодор, Т. Тот) обучались в СССР, что повлекло за собой привлечение археологических материалов из России, в частности, с Урала и Западной Сибири.). 6. Современный период (с 90-х гг. XX в. по настоящее время). Просматривается упадок российско-венгерского сотрудничества. Со второй половины 90-х гг. становится очевидным введение новых методов в исследования, особенно в этнографии и археологии. Венгерские ученые отрицают роль археологии в изучении этнических процессов (Д. Кришто, Ч. Балинт).

В *российской историографии* тема прародины венгров рассматривалась в рамках общей периодизации в историографии истории России: досоветский, советский и постсоветский периоды. В самой России работы относительно венгерской праистории, появились с XVIII в.: Й. Э. Фишер⁵, Г. Ф. Миллер, В. Н. Татищев и др. В XIX – начале XX в. в российской историографии наблюдается «антиномадный» характер в работах Н. М. Карамзина, К. Грота, в которых угры-венгры относятся к «южному кочевому миру»⁶. После 1917 г. началось советское финно-угроведение (Д. В. Бубрих, в 1925 г. первая кафедра финно-угорской филологии, в Ленинграде). До 1950 г. чувствуется влияние «марризма». Однако в Венгрии достижения российских исследователей еще долгое время оставались неизвестными и лишь после Второй мировой войны появились возможности для венгерско-советского научного сотрудничества. Период с конца 50-х до начала 80-х гг. явился своеобразным пиком в исследованиях по данной проблеме. Он совпал со временем, когда достижения советских ученых (С. А. Плетневой, Е. А. Халиковой, В. Ф. Генинга, В. А. Могильникова, В. В. Седова, Р. Г. Кузеева, Р. Д. Голдиной, Е. П. Казакова и др.) стали доступными и для венгерской науки. В 60-е гг. даже поя-

⁵ Fischer I. E. *Qvastiones Petropolitanae. I: De origine Ungrorum.* Gottingae; Gotha, 1770.

⁶ Карамзин Н. М. *История государства Российского.* М., 1989. С. 50; Грот К. *Австро-Венгрия в судьбах славянства.* Пг., 1914. С. 17.

вились совместные исследования⁷. Научные работы представителей этого периода хорошо были известны в Венгрии. Тогда в России (в Советском Союзе) после крушения «марризма» сложился благополучный климат для исследования этнических, миграционных процессов, в том числе в венгерской праистории (например, исследования вопросов этногенеза башкир, который важен в процессе изучения протовенгерской истории – Н. А. Мажитов, Г. И. Матвеева, В. А. Иванов). Вместе с тем отметим, что в течение 80-х гг. наблюдается постепенный спад советско-венгерского научного сотрудничества. Правда, стремление сохранить научные контакты проявилось в проведении в Венгрии VII Международного финно-угорского конгресса, (Дебрецен 27 августа – 2 сентября 1990 г.)⁸. В. П. Шушарин, прекрасно знающий сложный венгерский язык, посвятил ранней истории мадьяр свою монографию, изучив венгерскую научную литературу⁹. И все же с 90-х гг. такое сотрудничество практически полностью прекращается.

С целью понимания интерпретации и верификации содержания и основных выводов, сделанных исследователями проблемы в поисках прародины венгров до «обретения» ими родины в Карпатах, для нашего исследования представляется важным использование *исторических источников*, среди которых в диссертации выделяются письменные, археологические, этнографические и лингвистические. Прежде всего это письменные источники, которые оказали влияние на дальнейшее развитие венгерского и российского историографического мышления: из *венгерских* средневековых это три нарративные традиции – Геста Анонима (рубеж XII–XIII вв.); Хроника (Gesta) Шимона Кезаи (1282–1285 гг.); «Композиция венгерских хроник XIV в.». Интерес представляют такие виды источников, как отчеты экспедиций, совершенных венгерскими доминиканцами в поисках восточных мадьяр в 30-е гг. XIII в. (эти документы сохранились в Риме), отчет Рикарда, описывающий первое путешествие Юлиана (1235–1236 гг.); письмо, которое было написано самим Юлианом: *Epistola de vita Tartarorum* (Письмо о жизни татар, 1237 г.). Что касается литературы XV в., в их число вошли Хроника Яноша Туроци, Хроника Антонио Бонфини. Среди *западноевропейских* источников информацию об истории мадьяр до «обретения» ими родины в Карпатах

⁷ Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W. F. *Das Gräberfeld von Newolino // Archeologica Hungarica.* 1969. № XLVI; Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

⁸ *Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. Summaria dissertationum.* Debrecen, 1990.

⁹ Шушарин В. П. *Ранний этап этнической истории венгров.* М., 1997.

содержат: Хроника (*Chronicon*) Регино (908 г.)¹⁰; Летопись монастыря им. Святого Бертина (Франция, VIII–IX вв.). В ней содержится первое упоминание о венграх в Восточной Европе (862 г.)¹¹. Сюжет о «Великой Венгрии» нашел отражение в хрониках Готфрида из Витербо (1185 г.) и А. Триум Фонтинум (1237 г.), а также в описании путешествий П. Карпини и Рубрука. Версия о *приуральской* Magna Hungaria (Великой Венгрии) попала в западноевропейскую литературу во второй половине XIII в.: Роджер Бэкон (1214–1292 гг.)¹². Заметим, что в источниковедческой части не рассматриваются арабские, мусульманские и византийские источники, поскольку они до появления современной науки не оказали особого влияния на развитие исторического мышления, в отличие от западноевропейских источников. Однако в процессе исследования, естественно они привлекались, что нашло отражение в тексте диссертации.

Кроме письменных источников была использована литература по *археологии* ведущих российских и венгерских ученых. В основном она касалась трудов по саргатской, бахмутинской, кушнаренковской, караякуповской и другим археологическим культурам, которые в той или иной мере причастны к угро-мадьярской проблеме (И. Эрдели, И. Фодора, Е. А. Халиковой, В. Ф. Генинга, В. А. Иванова, Е. П. Казакова, Н. А. Мажитова, Л. Н. Коряковой и т. д.). Любое исследование по венгерской праистории требует опоры и на *лингвистические* данные. В нашей работе были использованы топонимические данные, преимущественно результаты уральской научной школы А. К. Матвеева. Источниковый материал для настоящего исследования был собран в библиотеках и архивах городов Екатеринбург, Челябинска, Уфы, Ижевска, Казани, Санкт-Петербурга, Сегеда, Будапешта.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в российской и венгерской историографии на основе комплексного рассмотрения круга письменных источников, а также данных лингвистики и археологии, предпринята попытка проследить историческую судьбу предков венгров во взглядах тех, кто обращался к изучению их судьбы начиная с эпохи Средневековья до современности. Так, автор впервые предлагает рассмотреть «Проблему Угрии-Югрии» как историографическую.

В процессе исследования для российской историографии впервые

вводятся в научный оборот такие венгерские письменные источники (в переводе автора диссертации), как Основательные грамоты Тихонского монастыря (1055 г.) Саздского монастыря (1067 г.), Гарамсентбенедекского монастыря (1075 г.) и др.

Что же касается венгерской историографии, то для венгерских коллег также впервые предлагаются новые сведения российских исследователей: по топонимии Башкирии, летописные сведения по Югрии, археологические данные, полученные при консультации с ведущими археологами Урала (В. А. Иванов, С. Боталов, Л. Н. Корякова, Р. Д. Голдина, Е. П. Казаков) и другие, которые ранее не встречались в венгерских работах. Особую значимость представляет впервые проведенный автором сравнительный анализ взглядов венгерских и российских историков на определенные проблемы этногенеза венгров.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее материалы, выводы и обобщения могут быть использованы при изучении истории этногенеза венгров не только в рамках Венгрии, но и за ее пределами – по всей территории Восточной Европы и Евразии. Проведенные исследования будут способствовать воссозданию праистории мадьяр в первом тысячелетии н. э. (до IX в.), которая на сегодняшний день остается малоизученной. Основные положения и материалы смогут привлекаться для дальнейших научных исследований и в учебном процессе в качестве основы для разработки общих и специальных курсов по истории в России, Урала и Венгрии.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждены на семи международных, всероссийских и региональных научных конференциях: Ижевск (2005), Уфа (2005), Будапешт (2006), Ханты-Мансийск (2006), Екатеринбург (2005, 2006, 2007) и изложены в шести научных работах.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и источников, а также включает текстовые приложения и иллюстрации.

¹⁰ Nonfoglalás korának Írott Forrásai. Szeged, 1995 (далее НКÍФ). С. 195–198.

¹¹ НКÍФ С. 183–184.

¹² Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. С. 202.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** показана актуальность темы, методология исследования, определены цели и задачи, хронологические рамки работы.

Первая глава – «Интерпретации средневековых письменных источников о древней истории мадьяр в российской и венгерской историографии» – состоит из четырех параграфов и посвящена обзору тех средневековых источников и литературы, которые оказали влияние на формирование и дальнейшее развитие венгерской и российской историографии.

В **первом параграфе** дана оценка венгерских письменных источников о восточной прародине мадьяр в основном в венгерской исторической литературе. В диссертации рассматриваются лишь те средневековые венгерские источники, которые содержат сведения о древней истории мадьяр, показана история изучения этих источников. В средневековой Венгрии уже в XI в. началось составление древнейшего свода венгерской хроники (*Gesta*), однако он не дошел до нас, но частично проник в позднейшие традиции¹³. В настоящей диссертации к рассмотрению предлагаются три нарративные традиции. Первая – Геста Венгерского Анонима, или Магистра П. (*Gesta Hungarorum*, согласно большинству исследователей конец XII – начало XIII вв.)¹⁴. Она содержит 57 глав, десять из них посвящены истории мадьяр до «обретения родины». Средневековые историки с не скрываемым презрением смотрели на народную традицию (Йордан, Паул Диакон). Вероятно, не исключением был и Венгерский Аноним: по его мнению, лучше узнать историю по письменным источникам, чем по «фальшивым сказкам крестьян» (*ex falsis fabulis rusticorum*)¹⁵. Это ментальное явление весьма интересное. Его историографическое значение состоит в том, что в мировоззрении средневекового человека явное преимущество отдается авторитету письменного слова над устной традицией. Однако в некоторых случаях Аноним, по-видимому, все же черпал сведения и из устной традиции. И именно эти фрагменты представляют собой собственную венгерскую традицию. Число этих инноваций незначительно, но они весьма важны

¹³ Györfy Gy. Az Árpád-kori magyar krónikák // Honfoglaláskor írott forrásai. Вр., 1996. С. 181.

¹⁴ Anonymi (P. Magistri) Gesta Hungarorum // Edendo operi praefuit. E. Szentpétery. Scriptores Rerum Hungaricum. Tempore ducum regumque stirpis Arpadianae Gestarum. Вр., 1999 (далее SRH) I. С. 33–117.

¹⁵ SRH I. С. 33.

для нас: 1) упоминание «Дентумогер» в качестве топонима (как древняя родина венгров) и этнонима (как название восточных венгров); 2) Венгерский Аноним первый, кто в западной литературе называет Черное море – «Черным» (если не считать древнеисландские сочинения – Сага об Ингидиндах); Волгу – «Etíl»; Волжскую Булгарию – Буларом; 3) путь мадьяр в Карпатский бассейн в Гесте Анонима начинается с территории Волжской Булгарии (а хроники – с Азовского моря); 4) некоторые, вероятно, достоверные даты, связанные с древнемадьярской историей, встречаются только в Гесте Анонима: 819 г. как дата рождения вождя Алмоша, 884 г. как выход мадьяр из «Скифии» и т. д.

Второй источник – это Хроника Шимона Кезаи (*Gesta Hungarorum*, 1282–1285 гг.)¹⁶, где он описывал генетическое родство мадьяр с гуннами. Хроника Кезаи состоит из двух книг: первая из них – «История гуннов» (*Hunnorum Gesta*), вторая, «О возвращении» (*Secundus Liber de reditu*) – об истории мадьяр после «обретения родины». В Хронике Ш. Кезаи 98 глав, из них всего шесть связаны с ранней историей гуннов и мадьяр (до IX в.), и все они в «Гуннской истории».

Третья группа источников – это поздние хроники, общий свод которых получил название в научной литературе «Композиция венгерских хроник XIV в.»¹⁷. Ее две главные ветви – семья «Будийской Хроники» (1333 г.) и семья «Иллюстрированной Хроники» (1358 г.)¹⁸. Хроники Ш. Кезаи и «Композиция венгерских хроник» относительно венгерской праистории не отличаются.

В эпоху романтизма и позитивизма было приятно считать, что эти письменные источники отражают реальные сведения о древней истории мадьяр (П. Хунфалви). В начале XX в. во взглядах З. Гомбоца просматривается скептический подход в отношении венгерских средневековых письменных источников. Он считает, что они являются лишь частью западноевропейской литературы, в них практически не сохранилась древняя история венгров.

Что касается позднейших произведений венгерской исторической литературы, в «Декадах» итальянского историка короля Матяша Бонфи-

¹⁶ Simonis de Keza Gesta Hungarorum / SRH I. С. 141–194.;

¹⁷ Chronici Hungarici Compositio Saeculi XIV / SRH I. С. 239–505. В литературе отдельно рассматриваются Заграбские и Варадские хроники (1334 и 1354 гг.), при описании которых, по-видимому, использовались независимые от предыдущих источники.

¹⁸ SRH I. С. 239, 501; Domanovszky S. Simonis de Keza Gesta Hungarorum // SRH I. С. 131–139, 219–237; Szovák K., Veszprémy L. Krónikák, legendák, intelmek // SRH II. С. 754–755.

ни (XV в.) встречается новый подход к венгерской истории. Он первый, кто разделил венгерскую историю не на два этапа (как Кезаи), а на три: по его интерпретации после гуннской эпохи аварская является частью венгерской истории. Это разделение долгое время присутствовало в венгерской историографии – до конца XVIII в (И. Катона).

Во *втором параграфе* представлена «Легенда о чудесном олене» и дана ее научная трактовка. «Легенда о чудесном олене» – это мифический рассказ о том, как легендарный олень-проводник вел предков мадьяр (и гуннов) на новую родину из Азии в болота Меотиды. В венгерской литературе этот рассказ впервые встречается в «Гуннской истории» Ш. Кезаи и практически в неизменном виде в «Композиции венгерских хроник XIV в.». Сюжет о чудесном олене, связанный с мадьярами, впервые появился в западноевропейской литературе у саксонского хрониста Видукинда (X в.). Сюжет об олене-проводнике, имеющий отношение к мадьярской праистории, появится и в XVI в. у польского историка Матвея Меховского в его «Трактатах о двух Сарматиях».

В венгерской историографии неоднократно встречалось мнение, что «Легенда о чудесном олене» является оригинальной венгерской традицией, более того – этническим признаком мадьяр. Данный сюжет отражает средневековое представление об этногенезе мадьяр. Как считает Е. Сюч, один из главнейших элементов этнического сознания для данного этноса – это свое представление о собственном происхождении. Однако сюжет о чудесном олене достаточно распространен в литературе (например, Йордан, середина VI в.; Прокопий конец VI в.). Данные об этом сюжете собрал великий венгерский византист Дь. Моравчик (1914), который пришел к выводу, что «Легенда о чудесном олене» не является мадьярским этническим признаком, она не более чем странствующий сюжет.

Данный вопрос снова возник после Первой мировой войны. Этнограф Я. Берзе-Надь, которого можно считать сторонником «мадьярского ориентализма», в 1927 г. пересмотрел концепции Дь. Моравчика, полагая, что «Легенда о чудесном олене» является оригинальной мадьярской традицией. По мнению Берзе-Надя, это объясняется тем, что мадьярская версия самостоятельная – это древнее наследие венгерской культуры. Некоторые венгерские исследователи (Е. Сюч, Дь. Ласло, И. Фодор) приняли взгляды Берзе-Надя. Из российских исследователей Лев Гумилев полагал, что «Легенда о чудесном олене», приведенная Йорданом, отражает историческую действительность, она является памятью смешения угров и гуннов. Позже венгерский ученый И. Фодор предположил, что «Легенда...» возникла и стала важнейшим элементом прото-

мадьярской культуры на территории саргатской культуры (IV в. до н. э.–IV в. н. э.), которая, согласно большинству российских исследователей, отождествляется с протомадьярами.

Заметим, что в венгерскую письменную традицию (хроники) сюжет оленя попал из западной литературы. Что касается другой части проблемы о легендарных персонажах, мы считаем, согласно Дь. Дьёрффи, что персонажи легенды отражают реальные исторические события, ранние этапы этногенетического процесса мадьяр, в котором участвовали, кроме собственно протомадьяр оногуров, в меньшей степени – аланы (Магор, Хунор, Белар, Дуло, VI–IX вв.). Относительно локализации возникновения легенды, на наш взгляд, возможны и степные, и лесостепные зоны (Приуралье) Восточной Европы. Присутствие аланов и булгар (потомков оногуров) зафиксировано в данное время как в лесостепной, так и в степной полосах Восточной Европы. Эта традиция была (наверное, во фрагментах) известна спустя еще 200 лет после обретения родины. Средневековые венгерские хронисты добавляли к этому западноевропейскую литературную традицию о «чудесном олене» и Меотиде¹⁹.

В *третьем параграфе* освещены конструкции западноевропейских средневековых источников о происхождении мадьяр, показано их отражение в венгерских источниках, во взглядах венгерских и российских историков.

Западноевропейская историческая литература играла большую и долгое время исключительную роль в формировании средневекового венгерского исторического мышления. В этом параграфе привлекаются западноевропейские источники до «обретения родины», такие как Баварский Географ, сведения анналов. А более поздние источники, уже после «обретения родины» – это произведения Видукинда, Лиудпранда, Хроника Готфрида и т. д. Некоторые сюжеты, связанные с венграми, например «Великая Венгрия» («Magna Hungaria»), впервые встречаются именно в западноевропейских источниках. В параграфе перечисляются этнонимы, по которым были известны венгры до «обретения родины» на Западе (агарен, гог и магог, гунн, авар, унгар). Этноним «агарен» библейского происхождения. Названия «Гог и Магог» в конечном итоге имеют очень глубокие, древневосточные корни (первое упоминание встречается еще в Древнем Египте в XV в. до н. э.)

В некоторых западных источниках современники «обретения родины» называли мадьяр «аварами» (Летопись монастыря Фулды, 892, 894,

¹⁹ Дьёни Г. Легенда о чудесном олене: исторические корни и интерпретации мадьярской праистории // Изв. Урал. гос. ун-та. 2007. № 49. С. 34–43.

895, 896, 900 гг.; Видукинд (X в.)). Средневековые венгерские источники (до эпохи гуманизма, Бонфини) не знают этноним «авар». отождествление мадьяр с аварами на Западе обосновано тем, что мадьяры заняли место авар в Карпатской котловине. Название «мадьяр» в западноевропейских языках происходит от слова «оногур». Весьма удивительно, что западноевропейские источники называли мадьяр «унгарами» еще до «обретения родины» (анналы Святого Бертина, 862 г. и Баварский Географ). Из позднейших историографических конструкций следует обратить внимание на два аспекта: а) гуннская традиция и б) проблема Великой Венгрии. Сходство мадьяр с гуннами полностью отсутствует в славянских источниках. Среди современников «обретения родины» такой сюжет встречается только у Лиудпранда. Сегодня венгерская наука не рассматривает серьезно вопрос о фактическом участии гуннов в этногенезе мадьяр. А в советской и российской науке начиная с XIX в. и до сих пор встречаются подобные мнения (Д. Европеус, Лев Гумилев, М. И. Артаманов, С. Г. Боталов).

В российской науке в качестве приуральской прародины мадьяр часто встречается название «Magna Hungaria» («Великая Венгрия») как «археологическая (историческая) реальность» (Е. А. Халикова, В. А. Иванов). Мы считаем, что Magna Hungaria являет собой предмет историографического и текстологического исследования, и его необходимо рассматривать отдельно от проблемы реального пребывания мадьяр в Приуралье. Термин «Magna Hungaria» впервые встречается в западноевропейской литературе в конце XII в. в хронике Готфрида из Витербо (1185). Этот сюжет повторяется у Вицента Белловацента и у Бартоломея Английского (до 1250 г.). В их сочинениях говорится, что есть две Венгрии, и одна из них, расположенная около Меотида, старше (Maior). В венгерской литературе упоминание о ней в первый раз встречается в 1237 г. После нашествия монгольской орды (1236–1241 гг.) в западной письменной традиции изменилось местоположение «Великой Венгрии»: вместо Меотида она была перемещена в Волжско-Уральский регион (в Башкирию). Первое упоминание Великой Венгрии относительно Приуралья косвенно встречается в отчете Рикарда. Версия о приуральской Magna Hungaria попала в западноевропейскую литературу из венгерской традиции и стала распространяться во второй половине XIII в. (Роджер Бэкон).

В **четвертом параграфе** рассматривается роль средневековых славянских источников в исследованиях ранней истории мадьяр. Среди тех, в которых содержатся сведения по истории мадьяр до «обретения родины», можно отметить следующие: Житие Константина, Житие Мефодия,

Чудо с болгаринном, Житие Наума, а также русские летописные данные, в частности, летописный свод Повесть Временных Лет (ПВЛ). В ПВЛ венгры упоминаются под следующими датами: 6390 (882 г.), 6406 (898 г.), 6410 (902 г.). Во вводной части ПВЛ, в которой не указана точная хронология, встречается известие о том, что первые «белые угры» в VII в., затем «черные угры» в IX в., проходя мимо Киева, переселились в Карпатский бассейн. Здесь важно отметить, что этноним «угры» является древнерусским названием венгров. Слова «угор», «угры» употреблялись в русском языке до XVI в., а слово «венгр» является новейшим заимствованием из польского языка. Данное сообщение принадлежит ко «второму слою» ПВЛ (60-е гг. XI в.). Это известие является заимствованием из Хроники Георгия Амартола (вторая половина IX в.), в которой встречается отождествление Скифии с хазарами, а также угров с хазарами. Исходя из этого отождествление «белых угров» с хазарами кажется естественным, именно так считали еще в XIX в. исследователь Г. Кун, в начале XX в. – венгерский славяновед Антал Ходинка, а несколько позже, в середине XX в., – академик Д. С. Лихачев. Однако в ПВЛ есть сообщение и о том, что «белые угры» переселились в Карпатский бассейн, эта информация отсутствует в Хронике Георгия Амартола. Его источник неизвестен или является устным. Есть четыре источника, в которых упоминается движение (оногуров) по степям Причерноморья в VII в. Это «Хронограф» византийского Феофана, «Бревиарий» Никифора (начало IX в.), рассказывающие о переселении одного из сыновей Куврата в Карпатский бассейн, «Армянская география» (VII в.) и письмо хазарского кагана Йосифа. Таким образом, можно считать исторически достоверным известие ПВЛ. Венгерская археология успешно доказала появление нового народа в Карпатском бассейне во второй половине VII в. (хотя сегодня этот сюжет подвергнут критике со стороны Ч. Балинта). Проблема, связанная с этим известием в ПВЛ, играла важную роль в бурных спорах в венгерской науке в 60–90-х гг. XX в. Она получила название теории «двойного обретения родины». Дь. Ласло отождествлял этот народ с венграми, однако не успел доказать свой тезис. Спор о «двойном обретении родины» вышел за рамки науки, и стал общественным спором, вызывая интерес и у любителей.

Вторая глава посвящена научным теориям о праистории мадьяр, появившимся в литературе XVI–XIX вв. Она состоит из двух параграфов, в которых рассматриваются основные проблемы и этапы.

В **первом параграфе** рассматривается одна из самых серьезных историографических проблем – так называемая «Проблема Угрия-Югрия». Сюжет очень важен, поскольку отражает российское и западноевропей-

ское историческое знание нового времени о мадьярской праистории. В средневековых русских источниках название Венгрии известно как «Уг-ра», или «Угрия», а название Уральского, Западносибирского края – «Югрия» или «Югорская земля»²⁰. Но иногда Венгрия называется Юг-рией вместо Угрии²¹. Если признаем, что эти названия этимологически совпадают, тогда это свидетельство того, что в средневековой России было достаточно хорошо известно реальное родство мадьяр с уральскими народами. Отражение российского знания об этом находится в работах польских и немецких историков XVI в.: Н. Розенбурга, М. Меховского, С. Герберштейна. В книге С. Герберштейна Югрия локализуется в Западной Сибири. Благодаря С. Герберштейну известие о Югрии стало широко доступным в Западной Европе. В конце XVII в. Н. Витсен писал, что «в Москве верили, что венгры происходят от народов Югрии и Пермии, потому что их обычаи подобные.» Такое же мнение у шведского ученого Генриха Бреннера (XVIII в.)²².

Таким образом, можно сделать вывод, что в России в раннем Новом времени существовала верная традиция о родстве мадьяр (угров) с юграми (то есть манси и хантами). По проблеме Югрии еще Г. Ф. Миллер занял правильную позицию, в XVIII в., написав об Югорской земле: «Летописцы, по-видимому, приняли такое название на том основании, что угричи, или венгерцы... вышли из этих мест»²³. Й. Э. Фишер и А. Л. Шлецер считали, что старое русское название мадьяр – «угры» и название северной Югрии этимологически совпадают и связаны с этнонимом «уйгур». В литературе были попытки поиска связи между Югрой и этнонимом «оногур». Считалось, что и Угрия и Югрия происходят из этого слова. Однако сведений об оногурах около Урала нет.

Во **втором параграфе** рассматриваются представления этногенетического родства мадьяр в историографии периода формирования и развития науки XVIII–XIX вв. Представление о родстве языков было известно уже в средневековых исторических источниках. Именно тогда появившаяся по мотивам средневековых хроник *теория скифо-гуннского* происхождения мадьяр, встречается и в раннем Новом времени, например, в исторической конструкции И. Вербэци. Она прожила

²⁰ ПСРЛ I. Лаврентьевская летопись и суздальская летопись по академическому списку. М., 1962. С. 175–176.; ПСРЛ IV. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 175–176.

²¹ ПСРЛ IV. Новгородская четвертая летопись. С. 474.

²² Gombocz Z. A magyar őshaza és a nemzeti hagyomány Ч. 3 // Nyelvtudományi Közlemények. 1923–1927. № 46. С. 192.

²³ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. С. 198.

долго (и вне научных кругов у нее до сих пор есть сторонники). В Новое время популярностью пользовалась и *теория еврейско-мадьярского родства*, особенно среди протестантской интеллигенции. Эта теория дожила вплоть до XVIII в. С формированием этнического национализма и падением религиозной идентичности (хотя бы в среде интеллигенции) идеология еврейско-мадьярского родства стала частью венгерского ориентализма. Согласно ему все восточные народы, такие как половцы, арабы, сиры, персы, саамы, финны, эсты и т. д. являются родственниками венгров (Дь. Калмар).

Существуют и другие теории, согласно которым исследователи отдают предпочтение другим этносам, принявшим участие в формировании мадьяр, и другим территориям, на которых предполагается местонахождение прародины угров-мадьяр. Среди них наиболее распространенной является *финно-угорская теория*. В российской науке уже в конце XVIII в. сложилось мнение, что мадьяры являются родственниками северных, финских народов (Й. Страленберг, Й. Э. Фишер, А. Л. Шлецер.). В это время интеллигентским кругам Европы было хорошо известно родство мадьяр с финноязычными народами (Й. Г. Гердер). В Венгрии Й. Торкош в 1747 г. первый составил вогульско-венгерский словарь. Я. Шайнович целеустремленно доказывал родство мадьярского языка с саамским языком (одним из уральских языков)²⁴. Ш. Дьармати изложил полное грамматическое доказательство родства финно-угорских языков. Венгерская интеллигенция весьма трудно принимала этот факт (поэты А. Барчай и Ф. Кэлчеи; а определенные круги до сих пор не принимают). Заметим, что после появления финно-угорской теории на рубеже XVIII–XIX вв. ориентализм приобрел «антифинноугорский характер» (П. Б. Надь). Несмотря на свой идеализм, венгерский ориентализм дал бесценные результаты мировой науке (экспедиция Ш. Кэреши Чомы в Тибет, 1819 г.). И все же после середины XIX в. финно-угроведение укрепилось в Венгрии (П. Хунфалви²⁵, Й. Буденц²⁶).

В конце XIX в. венгерскую публику потряс спор о происхождении мадьяр, получивший известность как «угро-тюркская война». Ряд исследователей, в частности А. Вамбери предлагали тюркское происхождение венгров²⁷. Ведущие историки Венгрии в конце XIX в. считали, что мадья-

²⁴ Sajnovics J. Demonstratio idioma Ungarorum et Lapponum idem esse. Turnaviae, 1770.

²⁵ Hunfalvy P. Vogul föld és nép. Bp., 1864.

²⁶ Budenz J. Magyar-ugor összehasonlító szótár. Bp., 1873–1881.

²⁷ Vámbéry Á. Magyar és török-tatár szöveggyeztetések. Bp., 1869.; Он же: A magyarok eredete. Bp., 1882.

яры этнически действительно являются турками (Х. Марцали)²⁸.

До начала XX в. возникла идея о *кавказской прародине* финно-угров и мадьяр. (В. Н. Татищев, в венгерской историографии Г. Н. Якшич, Я. Б. Кароль). Самым известным теоретиком кавказской прародины был Б. Мункачи который поставил вопрос об иранском («арийском») влиянии на этногенез мадьяр, считая, что древнейшая финно-угорская прародина располагалась на Переднем Кавказе. Теории о кавказском пребывании – но уже не о прародине! – основных масс мадьяр до «обретения родины» проявляются в литературе вплоть до последнего времени (З. Гомбоц, Т. Х. Кун, П. Вереш)²⁹.

Рассмотрев эволюцию научных взглядов в Новое время, в итоге можно отметить, что во второй половине XIX в. в историографии по вопросам, касающимся исторической судьбы протovenгров и поиска их прародины, сформировалось несколько версий этногенетического родства мадьяр с другими этносами, в том числе две основные: угро-мадьярская и тюрко-мадьярская. В России закрепилось мнение, что венгры происходят с Урала, и их самые близкие родственники – это манси и ханты. Именно такая точка зрения получила распространение с XVI в. и в Западной Европе. С середины XVIII в. в Западной Европе и в России уже было хорошо известно, что древнюю родину мадьяр следует искать на Урале, и что мадьярский язык принадлежит к северным, финским языкам. В Венгрии же в исторической литературе наблюдаются другие процессы. С XVI до конца XVIII в. главными источниками венгерской историографии были Хроника Кезаи и декады Бонфини, которые подтверждали, что гунны и авары являются предками венгров. Поэтому венгерская историография данного периода продолжает *автохтонную* линию средневековой историографии. Свои корни венгры искали среди «славных народов» (скифов, евреев, персов и т. д.). Хотя, как мы видели, в Венгрии уже в середине XVIII в. нашли отражение и западноевропейские научные теории о «финском» происхождении венгров (Й. Торкоша). «Прорыв» финно-угорской теории в Венгрии связан с историко-политической ситуацией во второй половине XIX в. Консолидация финно-угорской теории наблюдается лишь в конце XIX в. (угро-тюркская война). Но, как мы видели, романтические, из ориентализма вырастающие взгляды о восточном, южном (Кавказ, Иран) происхождении венгров существовали еще в XIX в. До сих пор есть сторонники таких взглядов, но в XX в. эта точка зрения уже вышла за рамки науки.

²⁸ Vékony G. Magyar őstörténet – magyar honfoglalás. Bp., 2002. С. 32–33.

²⁹ Gyóni G. Isten elé áll // Eleink. 2007. № 2 (10). С. 34–43.

Благодаря исследованиям в сфере лингвистики и археологии, проведенным в XX в., стал очевидным тот факт, что венгры происходят с Урала, а их самые близкие родственники по языку – это манси и ханты.

Третья глава – «Проблема этногенеза венгров в научных взглядах российских и венгерских ученых XX – начала XXI вв.» – состоит из трех параграфов, в которых получили отражение взгляды российских и венгерских специалистов на вопросы протovenгров на Урале.

В *первом параграфе* разбираются вопросы, связанные с местонахождением угорской прародины протovenгров: Европа или Азия? Со времен античной географии вплоть до XVIII в. (Геродот, Страбон, Орозий, венгерские хроники, С. Герберштейн и т. д.) Танаис (Дон) считался границей между Азией и Европой. Только после XVIII в., благодаря В. Н. Татищеву, границей Европы и Азии стал восприниматься Урал. Вопрос о границе между Европой и Азией оказался весьма существенным в решении проблемы поиска прародины венгров и, пожалуй, имеет некоторое идеологическое содержание. Большинство венгерских исследователей считает, что угорскую прародину надо искать в Приуралье, то есть в Европе, этим подчеркивается «европеизм» или «европейское происхождение» мадьяр. В XIX – начале XX в., именно финские ученые подвели фундамент под теорию о приуральской прародине угров (Д. Европеус, А. Каннисто.). В российской историографии, продолжая традицию финских исследователей, изучением западной границы угров в 20–30-х гг. XX в. занимался А. Ф. Теплоухов, который пришел к выводу, что западная граница угров проходила в долине Вичегды – Вятки, то есть на территории современных пермских народов.

В первой половине XX в. в венгерской литературе окончательно сформировалось представление о камской прародине угров (Б. Хоман и Дь. Секфу, Л. Лигети). Однако при этом уточнялось, что мадьяры перешли через Урал, а потом из Западной Сибири отправились вновь на запад (И. Зичи). После Второй мировой войны в венгерской историографии стало распространенным мнение, согласно которому прародина угров перемещается в Азию, в Зауралье. В 1952 г. вышла в свет монография Эрика Мольнара о саянской прародине уральцев³⁰). Тем не менее, в большинстве остались те ученые, которые отстаивали прежние позиции, локализуя угорскую прародину и место этногенеза мадьяр в Приуралье (Э. Мор). Еще в начале 50-х гг. венгерский языковед П. Хайду полагал, что угорскую прародину следует искать в Восточной Европе, на западных склонах Урала. П. Хайду в 60-х гг. изменил свою ста-

³⁰ Molnár E. A magyar nép őstörténete. Bp., 1952.

рую концепцию и высказал предположение, что угорскую прародину в Зауралье надо искать в Западной Сибири, около Иртыша³¹. Такую точку зрения в венгерской историографии приняли прежде всего те исследователи, которые хорошо знали русскую литературу (например, П. Вереш, И. Фодор). Однако среди венгерских исследователей встречаются такие, которые полностью исключают сибирское пребывание венгров (Дь. Ласло)³². Недавно появилась идея венгерского археолога, Г. Веконья, которая напоминает тезисы Дь. Ласло, представляющие собой самую раннюю и самую западную интерпретацию угорской прародины, разместив ее на территории Поволжья.

В российской науке в 40–50-х гг. в изучении локализации древних угров важнейшую роль играл российский ученый В. Н. Чернецов. Опираясь на археологические и этнографические данные, сравнивая современную материальную культуру угров с археологическими материалами, он пришел к выводу, что угры являются аборигенным населением Западной Сибири³³. В 60–70-е годы XX в. весьма интенсивно начались исследования российских ученых непосредственно на Урале и в Западной Сибири. Именно тогда в российской науке появились мнения, которые подчеркивали западное происхождение угров (А. П. Дульзон)³⁴. Позже среди российских угроведов будет придерживаться взгляда на южное происхождение манси Е. Ромбандеева по фольклорным данным (в результате вторичной миграции)³⁵. В это время особо следует выделить уральскую научную школу А. К. Матвеева, которая сделала существенный шаг вперед в области топонимии, при решении интересующей нас проблемы. Именно тогда было обращено внимание на то, что территория угорской прародины отделяется от территории древнепермского населения, то есть, она располагалась не в лесостепной зоне Приуралья, а скорее – в Зауралье³⁶.

Подводя итоги можно сказать, что некоторые венгерские и российские ученые сегодня решают проблему угорской прародины мадьяр в пользу тех взглядов, согласно которым угры в прежние времена жили

³¹ Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 191.

³² László Gy. Östörténetünk legkorábbi szakaszai. Вр., 1961. С. 195–196.

³³ Чернецов В. Н. Орнамент ленточного типа у обских угров // Советская этнография. 1948. № 1; Он же. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1953. № 35; Он же. Усть-Полуйское время в Приобье // Там же. С. 221–241; Он же. Наскальные изображения Урала. М., 1964.

³⁴ Дульзон А. П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики. М., 1960. С. 9.

³⁵ Ромбандеева Е. Душа и звезды. Ленинград; Ханты-Мансийск, 1991. С. 16–18.

³⁶ Матвеев А. К. Ономастология. М., 2006. С. 247.

намного южнее и западнее, чем сейчас, но ядро их формирования как этноса – как угров так и протовенгров (протомадьяр) – находилось в Зауралье, в Западной Сибири, то есть в Азии (И. Фодор, П. Вереш, В. А. Могильников, Л. Н. Корякова и др.). И все же в литературе по данной проблеме наблюдаются разногласия между российской и венгерской историографией. Как мы видели, пока абсолютное большинство российских исследователей считает, что угорскую и вместе с тем протомадьярскую прародину можно локализовать в Зауралье, в Западной Сибири. Большинство же венгерских исследователей локализует этногенез мадьяр в Приуралье (А. Рона-Таш, Я. Харматта)

Во *втором параграфе* рассматривается «Башкиро-мадьярская проблема в российской и венгерской историографии». Теория о родстве мадьяр с башкирами имеет достаточно глубокие историографические корни. Основной сегмент башкиро-мадьярской проблемы состоит в том, что некоторые письменные источники называли мадьяр башкирами³⁷. Как известно, после XIII в. в Западной Европе территория Башкирии отождествлялась с Великой Венгрией (П. Карпины, Рубрук). В Хронике Кезаи «Bascardia», это одна из древних родин венгров³⁸. В XVI в. появились характерные картографические данные о том, что на территории современной Башкирии располагалась «Великая Венгрия» (М. Вадсемуллера 1506, 1517 гг.). В XVIII в. П. С. Паллас знал о той теории, что древняя родина мадьяр находится в Башкирии. В XIX в. Н. Я. Данилевский в своей работе, отражающей путь мадьяр с Урала, отмечал, что прародина венгров, находится в Башкирии. Впервые, в начале XX в., идею о том, что венгерские географические названия встречаются на территории Башкирии, высказал венгерский этнограф Я. Янко, его в этом поддерживал и Г. Надь. Дь. Паулер также считал, что венгры и башкиры являются родственниками. Но в Венгрии были и те, кто не разделяли эту точку зрения. Так Б. Мункачи скептически относился к теории родства башкир и венгров (1902 г.). Дь. Мессарош отрицал родство башкир с мадьярами и присутствие венгерского топонимического пласта в Башкирии.

Планомерные исследования по башкирской топонимии активно проводились в 50–90-х гг. XX в. (Д. Г. Киекбаев А. Камалов, Дь. Немет Л. Рашони и др.). Ученые считали, что в Башкирии есть венгерские топонимические названия. Дь. Немет полагал, что протовенгры проживали

³⁷ Ал-Истахри, Ибн Хакуал, Абу-Хамид ал-Гарнати. Bevezetés a magyar őstörténet kutatásának forrásaiiba. Вр., 1988. С. 223–226.

³⁸ SRH I. С. 253.

на территории Башкирии вплоть до 840 г. Со стороны венгерских исследователей тезисы Немета отвергались (ими предполагалось, что протомадьяры уже намного ранее, еще в VI в. перешли в степную зону)³⁹.

Можно сказать, что теория Дь. Немета получила большую поддержку в Башкирии, чем в Венгрии (Р. Г. Кузеев, С. Ф. Миржанова, Ф. Г. Хисамитдинова). Например, по мнению Р. Г. Кузеева, племя «юрмати» жило на территории Башкирии (на Бугулминской возвышенности) уже до прихода башкир. В России настоящим поворотом в исследовании топонимии Башкирии, был выход в свет в 1980 г. «Словаря топонимов Башкирии», где есть венгерские этимологии. В эти же годы появились и другие работы, в которых отмечено, что имеются доказательства о венгерской субстратной топонимии на территории Башкортостана, или, шире, на Урале, или в Волго-Уральском регионе⁴⁰.

В 80-е гг. в венгерской историографии стало преобладать мнение об отсутствии венгерского топонимического пласта в Башкирии (И. Вашари, А. Барта, А. Рона-Таш)⁴¹. В поддержку этих взглядов выступает археолог Н. А. Мажитов, который вообще исключает присутствие венгров на территории Башкирии. Тем не менее, башкирские исследователи связывают топонимы в Северной Башкирии с венграми. (Ф. Миржанова, А. Камалов, Ф. Хисамитдинова). На наш взгляд, мнение башкирских исследователей о наличии венгерской топонимии кажется убедительным.

Третий параграф посвящен истории изучения археологами проблемы, связанной с протомадьярами на Урале в первом тысячелетии н. э. В развитии этой проблемы важное место занимают исследования российских ученых, так как раскопки в поисках прародины венгров проходили и ведутся на территории России – на Урале и в Западной Сибири. В историографии этой проблемы, можно выделить несколько этапов.

Первый этап исследования охватывает XIX – начало XX в. Это было время накопления материалов и первых раскопок. Первые археологические исследования в Приуралье проводили Р. Г. Игнатъев (карта памятников Уфимской и Оренбургской губерний), Ф. Д. Нефедов (раскопки

³⁹ Róna-Tas A. A honfoglaló magyar nép. Вр., 1996.

⁴⁰ Миржанова С. Ф. Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка // Археология и Этнография Башкирии Т. IV. Уфа, 1971; Хисамитдинова Ф. Г. Угорская субстратная топонимия на -ш/-с в Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988; Матвеев А. К. Вершины Каменного Пояса. Челябинск, 1990. С. 239–240; Арсланов Л. Ш., Казаков Е. П., Корепанов К. И. Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н. э. – XIV в. н. э.). Елабуга, 1993.

⁴¹ Róna-Tas A. A honfoglaló... С. 331.

первых Ново-Турбаслинских курганов), В. В. Голмьстен и Д. И. Эдинг (первые, кто исследовали Бахмутинский могильник). В районе Прикамья археологическое изучение памятников проводилось Теплоуховыми, которые первые предложили хронологическую схему памятников в этом районе. Значительное внимание в этот период уделялось археологическим исследованиям в Зауралье и Западной Сибири. Там работали И. Я. Словцов, Д. Н. Анучин, А. Н. Зырянов, В. Я. Толмачев, А. А. Спицын и др.

Второй этап (20–30-е гг. XX в.) характеризуется интенсивным изучением угорских памятников и систематизацией ранее накопленного материала. Этот период связан с началом работ по изучению археологических памятников специальными экспедициями центральных академических учреждений. Ценный археологический материал был собран экспедицией под руководством А. В. Шмидта, который в 1928 г. произвел раскопки на Бахмутинском могильнике, Чандарском селище и Кара-Абызском городище. В результате этих исследований он пришел к выводу о возможном выделении двух культур железного века: кара-абызской и бахмутинской. А. В. Шмидт был первым, кто попытался увязать известные уже к тому времени археологические памятники в Приуралье с древними мадьярами, и сделал предположение об угорской (мадьярской) принадлежности носителей бахмутинской культуры в бассейне р. Белой. Особый интерес вызвали раскопки В. П. Левашовой в 1925–1928 гг. Саргатских и Коконовских курганов⁴², сыгравших в будущем большую роль в выделении известной сегодня «саргатской» культуры. С 1929 г. начались работы и В. Н. Чернецова. В 30-х гг. проводились исследования экспедициями Академии наук СССР на трассе канала Волга – Москва под руководством О. Н. Бадера; в зоне затопления Пермской ГЭС в 1932–1937 гг. Камской экспедицией, руководимой А. В. Шмидтом

Третий этап (40–60-е гг. XX в.) – начало целенаправленного изучения памятников. Активное участие в археологических исследованиях стали принимать экспедиции как научных учреждений, так и высших учебных заведений. Вторая мировая война прервала планомерность археологических исследований, хотя на Урале эпизодически раскопки все-таки проводились (М. П. Грязнов и др.). В начале 50-х гг. началось изучение Стерлитамакского (Левашевского) могильника, материал которого сразу же обратил на себя внимание исследователей сходством с древневенгерскими могильниками IX–X вв. (М. Артамонов и И. Эрдели). Определенное внимание уделялось вопросам так называемой «угриза-

⁴² Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья. С. 9.

ции» Приуралья. В совместной работе археологов О. Н. Бадера и В. А. Оборина отмечено, что первые угорские группы появились в Приуралье еще до н. э. У них были тесные контакты с племенами Зауралья, с «усть-полуйской» культурой, которую, принимая концепцию В. Н. Чернецова, они признавали угорской⁴³. В середине 50-х гг. начинается новый этап в археологическом изучении Башкирии (Н. А. Мажитов) – отождествлением бахмутинской культуры с протовенграми Н. А. Мажитовым. В 1959 г. М. С. Акимовой и В. Ф. Генингом были проведены исследования памятников у с. Кушнаренково. В конце 50-х и в 60-е гг. вышел цикл работ В. Ф. Генинга, посвященный изучению археологических памятников Прикамья рубежа I тысячелетия до н. э. – I тысячелетия н. э.⁴⁴. К концу 60-х гг. реально начал ощущаться источниковедческий кризис. Наилучшим способом ввода в научный оборот археологического источника, по мнению В. Ф. Генинга, считалась монографическая публикация, что и подтверждается монографиями В. Ф. Генинга, Н. А. Мажитова и др.

Четвертый этап (70–80-е гг. XX в.) отличается широкими масштабами полевых работ. В это время в российской науке проблема уральской этнокультурного компонента в этнической карте Урало-Поволжья эпохи средневековья. Прежде всего это было связано с открытием Большетиганского могильника в 1974 г. казанским археологом Е. А. Халиковой (с. Большие Тиганы в Алексеевском районе Татарской АССР). Е. А. Халикова, связывала население Большетиганского могильника с кушнаренковской культурой, и считала, что угры, протомадьяры в середине I тысячелетия н. э. появились в Приуралье, а территория кушнаренковской культуры является «Великой Венгрией». В 1977 г. И. Фодор согласился с тезисами Е. А. Халиковой. Со стороны российских исследователей результаты Е. А. Халиковой были подвергнуты критике В. Ф. Генингом.

В этот же период истории изучения проблемы протовенгров на Урале, в связи с открытием новых памятников казанскими археологами, было обращено внимание и на факт присутствия в этих памятниках тюркского элемента. Некоторые российские исследователи даже выделяют особый этап в этнической истории Волжско-Уральского региона (до нашествия монгольской орды) определяя его как фазис «тюркиза-

⁴³ Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье. С. 221–241.

⁴⁴ Овчинникова Б. Б. Генинг Владимир Федорович: Библиограф. указатель. Екатеринбург, 1999. С. 13–18.

ции»⁴⁵. Что же касается взглядов археологов на вопросы тюркских заимствований, то, например, В. Ф. Генинг считал, что переселение народов в III в. было только первой волной приуральских миграций в I тысячелетии, а вторая волна произошла в V в., она была крупнее, масштабнее предыдущей. Памятниками этой масштабной волны, по мнению В. Ф. Генинга, являются именьковская, тураевская, романовская культуры, как смешанные тюркско-угорские группы⁴⁶.

Пятый этап (90-е гг. XX в. – начало XXI в.) характеризуется интенсивными исследованиями в районах Зауралья и Западной Сибири: В. А. Могильников, Л. Н. Корякова, Н. П. Матвеева отождествляют зауральскую саргатскую культуру с протовенграми. В 90-х гг. и в последнее время российские археологи, Е. П. Казаков, В. А. Иванов, С. Г. Боталов играют важную роль в исследовании также и приуральской истории венгров. Е. П. Казаков в своей книге показал наличие угорского (венгерского) компонента на территории Волжской Булгарии⁴⁷. Впервые непосредственно древней истории мадьяр посвятил монографию В. А. Иванов, в которой он отождествляет кушнаренковскую культуру с «древними уграми-мадьярами»⁴⁸.

Во второй половине 90-х гг. в венгерской археологии наблюдается смена парадигм, появление постмодернизма. В венгерской археологии формируется мнение, которое отрицает, что археологические культуры, и вообще материальная культура могут быть решающим фактором в этногенетических вопросах (Дь. Кришто, Ч. Балинт). В российской археологии такого явления не происходило, однако наблюдается появление цивилизационного подхода вместо доминирующего системного.

В **Заключении** излагаются основные выводы, полученные в ходе исследования. В историографии древней истории венгров отражаются особые черты данных историографических эпох. На ее развитие оказывает влияние политическая ситуация, отношения между Венгрией и Россией. Например, в 20–30-е и 90-е гг. XX в. в связи с политической ситуацией были затруднены совместные исследования. Всплеск интереса и прорывы в исследовании этногенеза протовенгров приходились именно на годы, когда возможность контактов между исследователями повышалась (60–70-е г. XX в.). Каждая интерпретация, то есть собственное по-

⁴⁵ Кузеев Р. Г., Иванов В. А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V–XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984. С. 3–22.

⁴⁶ Генинг В. Ф. Этническая история Южного Прикамья. Свердловск, 1974. С. 24.

⁴⁷ Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Булгарии. М., 1992.

⁴⁸ Иванов В. А. Венгры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.

нимание проблемы этногенеза венгров, самоценна. В ходе диалога между венгерскими и российскими историографиями, происходит формирование собственной позиции, а также совместных позиций обеих сторон.

В венгерской историографии до сих пор считается доминирующим интерпретация, которая локализует угорскую и мадыарскую прародину в Приуралье. В связи с этим важное место как в венгерской, так и в российской историографии занимает башкиро-мадыарская проблема. Во взглядах российских лингвистов, топонимические исследования в Башкирии подтверждают наличие венгерской субстратной топонимии в Башкирии, однако исключается непосредственный контакт между основными массами. Значит, основные массы венгров покинули Башкирию до появления башкир (IX в.). Однако заметим, что российские исследователи считают местом прародиной протомадьяр районом Зауралья и Западной Сибири. В основном этот вывод делается по материалам лингвистики и археологии. С 60-х гг. XX в. идет процесс выделения археологических культур, связанных с уграми-мадыарами в районах Урала и Западной Сибири, что подтверждает процесс этногенеза протовенгров до IX в. в этом регионе. Следует обратить внимание на особенность венгерских исследователей, которые в последнее время отстаивают точку зрения о том, что материальная культура (археологические культуры) не может играть роль в изучении этнических процессов (Дь. Кришто, Ч. Балинт). Часть венгерских археологов (И. Эрдели, И. Фодор) и российские археологи не разделяют «нигилистическую» позицию Ч. Балинта.

В приложениях представлены карты, таблицы, рисунки и лингвистические данные о топонимии Башкирии и венгерско(угорско)-самодийских языковых контактах.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Вопросы ранней истории протовенгров и великое переселение народов // Модели взаимодействия народов Евразии в эпоху великого переселения народов: Материалы конф., Ижевск, 22–24 июня 2005 г. Ижевск, 2006. С. 94–100

2. National Cultures of the Urals – history, characteristics and perspectives of the relations: Ethnological Conference. Yekaterinburg, May 23–25, 2005 // Acta Ethnographica Hungarica. Budapest, 2006. Vol. 51. P. 119–122.

3. Восточные венгры, западные венгры (к проблеме Югрии) // Finno-Ugrica. Казань, 2006. № 9. С. 81–91.

4. Еще раз об одном фольклорном сюжете, или Древняя культура уральской языковой семьи // II Северный Археологический Конгресс: Тезисы докладов. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 191–192.

5. Isten elé áll // Eleink. 2007. № 2 (10). С. 46–68.

6. Легенда о чудесном олене: исторические корни и интерпретации мадыарской праистории // Изв. Урал. гос. ун-та. 2007. № 49. С. 34–43.

Уральский государственный университет им. А. М. Горького
Утверждено к печати 26 сентября 2007 г. Формат 60×84^{1/16}.

Объем 1,5 п. л. Тираж 100 экз. Заказ
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ».
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.